

ТРЕХМЕРНОЕ ПРОСТРАНСТВО СТИЛЯ

G. G. HAZAGEROV

Erevan, ul. Zavarjana 1a
Republika Armenija
khazagerov@gmail.com

UDK: 81'38*
808.5
DOI: 10.15291/csi.4606
Izvorni znanstveni članak
Priljubljen: 6. 3. 2024.
Prihvaćen za tisak: 11. 11. 2024.

В статье предпринята попытка единой концептуализации стилистических теорий. В связи с этим рассматривается трехмерное пространство стиля. Одна ось этого пространства описывает риторические теории стиля, другая – холистические теории, третья – нормативные теории. Риторические теории отличает инструментальный характер и связь с интенцией говорящего. В этом плане рассматриваются теории трех стилей. Подчеркивается, однако, что теории трех стилей допускают также не риторическую, а нормативную трактовку. Собственно риторическое понимание мы находим в „Риторике к Гереннию”, трактатах Цицерона и Квинтилиана. Из современных теорий в этом русле лежат медиастилистика и креативная стилистика.

Холистические теории стиля подходят к феномену стиля не с нормативной или инструментальной точки зрения и оставляют широкие просторы для герменевтической мысли. Отмечается, что среди современных стилистов наиболее последовательным поборником холизма является академик Станислав Гайда. В этом же русле может быть рассмотрена теория эпохальных стилей академика Д. С. Лихачева.

Нормативные теории стиля имеют свою длинную историю, высшей точкой которой является теория нормы, разработанная Пражским лингвистическим кружком. Эта теория отразилась в современной функциональной стилистике. В статье, однако, дается критика советской функциональной стилистики.

Статья содержит вывод: стиль – либо инструмент (риторика), либо медиатор идентичности (холистические теории), либо медиатор уместности (функциональная стилистика).

Ключевые слова:

риторика, стилистика, стиль

Академик Станислав Гайда, так много сделавший для Стилистической комиссии, под эгидой которой проходит сегодняшняя дискуссия, честно заявлял, что, занимаясь метастилистической рефлексией, не скрывает своих предпочтений, которые он отдает интегрирующему и синтезирующему подходу¹. Я также не буду скрывать своей приверженности подходу риторическому с его предельным рационализмом, считая, что метастилистическим рассуждениям это не повредит. Главная цель статьи – получить по возможности простую концептуализацию пространства стилистики.

В пространстве стиля легко выделяются три независимые, взаимно ортогональные оси, которые условно можно назвать, соответственно, риторической, романтической и нормативной осями. Вокруг этих осей и группируются разнообразные теории стиля. Таким образом, на стиль мы можем посмотреть всего с трех точек зрения.

Теории риторической оси сфокусированы на категории воздействия. Этим теориям свойственно так называемое риторическое мышление, стремящееся к установлению максимального числа дистинкций и к каталогизации своих единиц. Стиль выступает как инструмент. Текст может использовать несколько стилей.

Романтическая ось сфокусирована на категории идентичности, ее теориям свойственен холистический подход и так называемое романтическое мышление как альтернатива мышлению риторическому. Оно не стремится к дистинкциям. Стиль выступает как свойство текста, обеспечивающее его целостность. Антитезу „риторическое – романтическое” блестяще описал в своих работах академик С. С. Аверинцев².

Риторические теории возникли, естественно, в рамках классической риторики. Романтические же теории возникли в эпоху романтизма. Стиль для них – имманентное свойство, присущее литературному тексту, или всему национальному языку, или даже целой эпохе. Эти теории опираются на представления о тексте или дискурсе и существуют скорее в ценностных, чем в целевых категориях.

Обе названные выше группы теорий противостоят нормативному подходу (третья ось), который, соответственно, фокусируется на норме. Нормативные теории зародились на периферии риторики, а именно в риториках

¹ ГАЙДА, С. 2013. „Что такое стиль?” *Славянская стилистика. Век XXI*. Санкт-Петербург: 33–44. [GAJDA, S. 2013. „Čto takoe stil'?” *Slavjanskaja stilistika. Vek XXI*. Sankt-Peterburg: 33–44.]

² АВЕРИНЦЕВ, С. С. 1996. *Риторика и истоки европейской литературной традиции*. Москва. [AVERINCEV, S. S. 1996. *Ritorika i istoki evropejskoj literaturnoj tradicii*. Moskva.]

декорума, которые имели своей целью достижение уместности. В двадцатом веке нормативное направление оформилось в самостоятельную дисциплину – функциональную стилистику. В настоящее время в России это господствующее направление, ставшее чуть ли не синонимом стилистики вообще.

Направления исследований на всех трех „осях” претерпели бурные изменения именно в последние двадцать – тридцать лет. Для риторики это „риторическое возрождение” и развитие тех стилистических теорий, что стремятся выйти из орбиты функциональной стилистики. Для романтической оси это новый интерес к холистическим теориям стиля как реакция на культурный редукционизм. Для нормативного подхода это переход от нормы к фитнесу и от понятия „литературный язык” к понятию „языковой стандарт”.

Ниже я бегло постараюсь охарактеризовать эти группы теорий, описав их исторически и подчеркивая их различия.

1. РИТОРИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ СТИЛЯ

Риторика – теория убеждающей речи. В риторических теориях стиля прекрасно отражается ее инструментальный характер, связь с интенцией говорящего, с его целью. Все, что в риторике выходит за эти пределы, отходит на ту периферию, где обретаются риторика декорума, способные обслуживать только показательное (эпидейктическое) красноречие. Такие риторика сближаются с современной функциональной стилистикой и тяготеют к нормативному подходу. Типичное их проявление – закрепление стилей за жанрами. Их цель – достижение уместности, соблюдение „приличия”, а не убеждение. Самый показательный пример в России – это ломоносовская риторика.

Рассмотрим сначала теории трех стилей, соотносящие стили с жанрами, и покажем их периферийный характер для риторики и перспективный характер для будущих нормативных теорий. Речь идет о выделении трех стилей – высокого, среднего и низкого.

Надо сказать, что это самый древний взгляд на стили, его можно назвать до-риторическим. Риторика от него отталкивалась. Вот как характеризует различие трех стилей академик Ю. С. Степанов: „Это стилевое различие имеет более древний аналог – различие языков эпоса и трагедии (‘высокий’), лирики (‘средний’), комедии (‘низкий’) в Древней Греции, которое, в свою очередь, восходит, по-видимому, к различению сакрального, в том числе поэтического, языка и

обыденного общения” (Степанов: 494)³.

Наиболее последовательно подобная теория трех стилей описана в знаменитом Колесе Вергилия, представляющем собой концентрические круги в духе кругов Луллия, но разделенные на три сектора, которым соответствуют три главных произведения Вергилия *Энеида* (высокий стиль), *Георгики* (средний стиль) и *Буколики* (низкий стиль). Высокому стилю соответствуют высокие предметы – воин, конь, меч. Среднему – пахарь, бык, плуг, т. е. предметы средние. Низкому – низкие предметы: пастух, овца, посох. „Колесо Вергилия, – отмечает А. Е. Махов⁴), – одновременно организовывало и мир, и литературный стиль”.

Но Колесо Вергилия – плод средневековой мысли, а не живой риторики времен античной демократии. Насколько теории стиля, привязанные к жанрам, характерны для риторики – большой вопрос. Мы, конечно, сразу вспоминаем теорию „трех штилей” М. В. Ломоносова. Но эта теория относится к декорум-риторикам (развернутую характеристику декорум-риторики см. в работах Р. Лахманн⁵). К обычной риторике, которая применяется в судах и на собраниях, она не подходит. Сослужив хорошую службу русскому языку в преодолении славяно-русского двуязычия и создав своеобразный прообраз будущей нормативной стилистики, теория Ломоносова в то же время отрицательно повлияла на репутацию риторики в России.

Впоследствии, отталкиваясь от риторического декорума и трактуя риторику исключительно как торжественное красноречие и к тому же „начальственное”, новые поколения русских писателей невзлюбили всякую риторику. Достаточно прочесть рецензию В. Г. Белинского на учебник риторики Н. Кошанского, чтобы убедиться в этом⁶. Это относится и к Пушкину, и к Белинскому, и

³ СТЕПАНОВ, Ю. С. 1990. „Стиль”. *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва: 494–495. [СТЕПАНОВ, Ю. С. 1990. „Stil”. *Lingvističeskij enciklopedičeskij slovar’*. Moskva: 494–495.]

⁴ МАХОВ, А. Е. [s. a.] „Из истории европейской поэтики”, URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/srednevekovaya-latinskaya-poetika-osnovnye-idei-i-kontseptsii> [МАХОВ, А. Е. „Iz istorii evropejskoj poetiki”, URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/srednevekovaya-latinskaya-poetika-osnovnye-idei-i-kontseptsii>]

⁵ ЛАХМАНН, Р. 1989. „Два этапа риторики ‘приличия’ (*decorum*) – Риторика Макария и Искусство риторики Феофана Прокоповича”. *Развитие барокко и зарождение классицизма в России XVII – начала XVIII в.* Москва: Наука. [ЛАХМАНН, Р. 1989. „Dva etapa ritoriki ‘priličija’ (*decorum*) – Ritorika Makarija i Iskusstvo ritoriki Feofana Prokopoviča” *Razvitie barokko i zaroždenie klassicizma v Rossii XVII – načala XVIII v.* Moskva: Nauka.] ЛАХМАНН, Р. 2001. *Демонтаж красноречия*. Санкт-Петербург: Академический проект. [ЛАХМАНН, Р. 2001. *Demontaž krasnorečija*. Sankt-Peterburg: Akademičeskij projekt.]

⁶ БЕЛИНСКИЙ, В. Г. 1956. „Общая риторика Н. Ф. Кошанского (рецензия)”. *Полное собрание сочинений в 13 т.* Т. 8. Москва. [БЕЛИНСКИЙ, В. Г. 1956. „Obščaja ritorika N. F. Košanского (recenzija)”. *Polnoe sobranie sočinenij v 13 t.* Т. 8. Moskva.]

к Щедрину, которые сами были великолепными риториками. И когда в России наконец появилась площадка для судебного красноречия, великие русские писатели Толстой и Достоевский не оценили роль риторического поединка в суде присяжных и фактически сохранили, как полагает известный судебный деятель, фольклорное отношение к суду⁷. Уже в двадцатом веке Михаил Бахтин понимал риторику как монолог, которому можно противопоставить лишь пародию, карнавал. Все это было рождено отрицательной реакцией на нормативную риторику приличий и декорума.

Настоящая риторика начинается и кончается там, где можно поставить вопросы „зачем?“, „для чего?“, т. е. там, где есть связь с интенцией говорящего.

„Так как все дело риторики направлено к возбуждению того или другого мнения, то следует заботиться о стиле не как о чем-то заключающем в себе истину, а как о чем-то необходимом“, – писал еще Аристотель⁸.

В одной из самых древних латинских риторик – „Риторике к Гереннию“ – тоже выделяется три стиля, но акцент абсолютно другой. Это „высокий стиль (*grave*)“, „средний (*mediocre*)“ и „ослабленный, упрощенный (*extenuatum, attenuatum*)“ (IV, 8)⁹. С тех пор низкий стиль (гумилиация, принижение) под давлением риторической практики часто вытеснялся в триаде стилей простым. Средний же стиль из безликого микса высокого и низкого превращался то в занимательный, то в изящный. При этом стили имели свое предназначение: высокий стиль был предназначен для того, чтобы волновать аудиторию, средний – занимать, услаждать, простой – доказывать. В этом было функциональное, интенциональное назначение трех стилей. Они были заведены не из „приличия“, а чтобы воздействовать на аудиторию.

В „Риторике к Гереннию“ предлагалось в начале выступления заинтересовать слушателя средним стилем, а в ходе доказательств (в пробации) использовать простой стиль, в конце же речи (в экскламации) прибегнуть к высокому стилю. Таким образом, то, что удивляло и справедливо восхищало историков русского литературного языка в творчестве Пушкина – обращение в одном произведении к разным стилям, – было ранним свойством риторики.

⁷ Гольденвейзер, А. [s. a.] „В защиту права“. С. 5 URL: https://thelib.ru/books/goldenveyzer_a/v_zaschitu_prava_stati_i_rechi-read-5.html [GOL'DENVEJZER, A. „V zaščitu prava“. S. 5. URL: https://thelib.ru/books/goldenveyzer_a/v_zaschitu_prava_stati_i_rechi-read-5.html]

⁸ АРИСТОТЕЛЬ. 1978. „Риторика“. *Античные риторика*. Москва: Изд-во МГУ: 128. [ARISTOTEL. 1978. „Ritorika“. *Antičnye ritoriki*. Moskva: Izdatel'stvo MGU: 128.]

⁹ *Rhetorica ad C. Herennium liber primo* // M. Tullii Cicronis opera. Paris, 1798.

В теории четырех стилей Деметрия¹⁰ предлагается логически выверенная матрица стилей:

Мощный	Величественный
Простой	Изящный

В левой колонке стили необработанные, в правой – обработанные. В верхней строке – возвышенные, в нижней – без возвышенности. Для нас особенно важно выделение изящного стиля (гладкого, элегантного, глафирос). Его наличие позволяет уйти от навязчивой оппозиции высокого – низкого. Выделанность, обработанность стиля, несомненно, не менее важная черта, чем возвышенность, так как она позволяет оторваться от предметной классификации в духе Колеса Вергилия и содержит чисто коммуникативную характеристику. В современных работах за выделение изящного стиля стоит В. П. Москвин, наиболее тесно связанный с багажом риторики российский стилист¹¹.

Три стиля в риторике не должны были быть чрезмерными. „Каждый стиль имел предосудительную чрезмерность: высокий стиль мог перейти в напыщенный (*inflatum, tumidum*), средний – в вялый (*dissolutum*), простой – в сухой, низкий (*aridum, sordidum*)” (Гаспаров 1997: 569)¹².

Помимо теорий трех или четырех стилей, дающих родовую характеристику стилей, античная риторика располагала учением о достоинствах речи. Это была еще одна привязка к коммуникации. Учение о четырех достоинствах речи – ясности, правильности (чистоте), уместности и красоте – было введено учеником Аристотеля Феофрастом и повторялось в латинских риториках, когда речь заходила о стиле, например, в трактате Цицерона „Об ораторе” (iii, 37).

Марк Туллий Цицерон – фигура огромного масштаба, сыгравшая роль в развитии латинского языка и культуры, чего сегодня не понимают те, для кого он просто ловкий оратор (его даже сравнивали с Трампом). В своих трактатах об ораторском искусстве (наиболее известны три трактата – „Об ораторе”, „Брут” и „Оратор”, русский текст издан под редакцией М. Л. Гаспарова¹³) Цицерон ри-

¹⁰ ДЕМЕТРИЙ. 1978. „О стиле”. *Античные риторика*. Москва: Изд-во МГУ. [DEMETRII. 1978. „O stile”. *Antičnye ritoriki*. Moskva: Izdatel'stvo MGU.]

¹¹ МОСКВИН, В. П. 2016. *Теоретические основы стилистики*. Москва: Флинта. [MOSKVIN, V. P. 2016. *Teoretičeskie osnovy stilistiki*. Moskva: Flinta.]

¹² ГАСПАРОВ, М. Л. 1997. „Античная риторика как система”. *Избранные труды. Том I. О поэтах*. Москва: Языки русской культуры: 556–586. [GASPAROV, M. L. 1997. „Antičnaja ritorika kao sistema”. *Izbrannye trudy. Tom I. O poetah*. Moskva: Jazyki russoj kul'tury: 556–586.]

¹³ ЦИЦЕРОН. 1994. *Три трактата об ораторском искусстве*. Москва: Ладомир. [CICERON. 1994. *Tri traktata ob oratorskom iskusstve*. Moskva: Ladomir.]

сует идеал оратора, человека широко образованного. Все это бесконечно далеко от схоластики Колеса Вергилия и от школьного подхода риторик восемнадцатого века.

„...заслуга Цицерона в развитии ораторской речи в том и состоит, что, оттолкнувшись от правил школьной риторики и подведя под них основу общей культуры, он поднял ее до высоты истинно гуманистической науки”¹⁴ (Стрельникова 1976: 107). Об этом не следует забывать тем, кто ищет гуманистические основы стилистических теорий вне риторики и относится к риторике с долей пренебрежения, обвиняя ее в орнаментальности, „украшательстве”. Глубоко несправедливое обвинение! Ведь риторика укоренена в общественной жизни и связана с развитием демократических институтов суда и парламента. Орнаментальность живет на другом полюсе. Мы знаем, что идеи ренессансного гуманизма и гуманизма Просвещения восходят именно к риторической категории Цицерона *humanitas*, заложенной в воспитании оратора. Это слово – калька с греческого *φιλιαντροπια*, т. е. ‘любовь к тому, что делает нас людьми’.

Марк Фабий Квинтилиан заимствует теорию трех стилей у Цицерона (*subtime, medium, sublime*), подчеркивая при этом разницу между диалектиком и оратором. Он проводит аналогию: течение реки по мелководью через камешки и полноводное течение между двух высоких берегов. Для оратора всегда важно увлечь слушателя течением своей речи, а не только аргументировать¹⁵ (*Quintilian, Quintilian's institutes of oratory or education of an orator*. L. 1909: 405). Поэтому оратору важно услаждать, увлекать.

В целом риторические теории стиля были инструментальны, коммуникативно ориентированы и конгруэнтны теориям фигур, тропов, амплификаций и соединения слов.

Если обратиться теперь ко временам нам непосредственно близким, то нельзя не упомянуть о так называемом „риторическом буме” второй половины двадцатого века. Результатом нового интереса к риторике стала, как известно, аргументативная риторика, основы которой заложены в ставшей знаменитой работе Х. Перельмана и Л. Ольбрехт-Тытеки¹⁶. Другим результатом, имеющим прямое

¹⁴ СТРЕЛЬНИКОВА, И. П. 1976. „Риторическая теория и практика. Цицерон”. *Ораторское искусство в Древнем Риме*. Ур. Т. И. Кузнецова, И. П. Стрельникова. Москва: Наука: 92–135. [STREL'NIKOVA, I. P. 1976. „Ritoričeskaja teorija i praktika. Ciceron”. *Oratorskoe iskusstvo v Drevnem Rime*. Ур. Т. И. Kuznetsova, I. P. Strel'nikova. Moskva: Nauka: 92–135.]

¹⁵ Quintilian's institutes of oratory or education of an orator. L. 1909.

¹⁶ PERELMAN, Ch. and L. OLBRECHTS-TYTEKA. *The New Rhetoric: A Treatise on Argumentation*. URL: <https://matveychev-oleg.livejournal.com/12724835.html>

отношение к теории стиля, стал альянс риторики и культуры речи, т. е. инструментальной науки и науки нормативной. Культура речи в концепции Е. Н. Ширяева даже попыталась поглотить риторику, что отражено в словаре „Культура русской речи”¹⁷.

Возвращение фигур и тропов в лоно лингвистики оживило стилистику в ее желании выйти из нормативной парадигмы стилистики функциональной, научный потенциал которой явно не покрывает всех запросов современной стилистики. Таким большим выходом из нормативной парадигмы стала стилистика экспрессивная, которая в конце советского периода выполняла роль местоблюстителя риторики. Занималась она главным образом тропами и фигурами, которые рассматривались как средства усиления изобразительности и выразительности речи. Таковы были работы Т. Г. Хазагерова и его школы¹⁸, М. Ю. Скребнева¹⁹ и других авторов, проводивших регулярные семинары по экспрессивной стилистике. Другим, „тихим” уходом из-под зонтика нормативности стала стилистика декодирования²⁰. Она имеет прямое отношение к риторике, так как располагает средством управления вниманием слушателя и легко включается в раздел риторической диспозиции. Менее уверенно следует стезей риторики стилистика ресурсов, так как использует лингвистические категории вместо риторических фигур. Но и она не занята регламентом и нормой, хотя и использует девиации нормы, в частности интенциональное использование отклонений от норм грамматики.

В наше время в отечественной стилистике появились новые развороты стилистической темы – креативная стилистика²¹ и медиастилистика²². О креативной

¹⁷ *Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник.* Москва: Флинта, Наука. 2003. [Kul'tura russkoj reči. Enciklopedičeskij slovar'-spravočnik. Moskva: Flinta, Nauka. 2003.]

¹⁸ ХАЗАГЕРОВ, Т. Г., Л. С. ШИРИНА. 1999. *Общая риторика.* Ростов-на-Дону. [HAZAGEROV, T. G., L. S. ŠIRINA. 1999. *Obščaja ritorika.* Rostov-na-Donu.]

¹⁹ СКРЕБНЕВ, Ю. М. 1987. „Тропы и фигуры как объект классификаций”. *Проблемы экспрессивной стилистики.* Изд-во РГУ. [SKREBNEV, Ju. M. 1987. „Tropy i figury kak ob'ekt klassifikacij”. *Problemy ekspressivnoj stilistiki.* Izdatel'stvo RGU.]

²⁰ АРНОЛЬД, И. В. 1975. „Интерпретация художественного текста: типы выдвигания и проблемы экспрессивности”. *Экспрессивные средства английского языка.* Ленинград. [ARNOL'D, I. V. 1975. „Interpretacija hudožestvennogo teksta: tipy vydviženija i problemy ekspressivnosti”. *Ekspressivnye sredstva anglijskogo jazyka.* Leningrad.]

²¹ КУПИНА, Н. А. „Креативная стилистика и практическая филология”. *Стилистика сегодня и завтра: материалы конференции.* Часть 1. Москва: Факультет журналистики: 140–144. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/24211/1/kupina_2014_1.pdf [KUPINA, N. A. „Kreativnaja stilistika i praktičeskaja filologija”. *Stilistika segodnja i zavtra: materialy konferencii.* Čast' 1. Moskva: Fakultet žurnalistiki: 140–144. URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/24211/1/kupina_2014_1.pdf]

²² КЛУШИНА, Н. И. 2018. *Медиастилистика.* Москва: Флинта, Наука. [KLUŠINA, N. I. 2018. *Mediastilistika.* Moskva: Flinta, Nauka.]

см. также *Toward a Theory of Creative Stylistics* by Vosilifuni Saito²³ – магистерскую работу, цель которой — представить креативную стилистику как антитезу стилистике дескриптивной. В этой работе дается хороший обзор стилистических теорий, сфокусированных на проблеме.

В медиастилистике отразился „медийный поворот”, а проще сказать, жизнь в новой информационной среде. При этом, если медиалингвистика²⁴ остается под зонтиком функциональной стилистики, то медиастилистика, по мнению Н. И. Клушиной, должна идти своим путем, формируясь как самостоятельная область, а не как часть функциональной стилистики, развивающая газетно-публицистический стиль (Клушина 2023: 15)²⁵. С новой информационной средой активно работает профессор Бранко Тошович²⁶, изучающий стиль искусственно сгенерированных текстов. Информационная среда объективно выводит, я бы сказал „выталкивает”, стилистику из-под монополизирующего ее функционально-стилистического направления.

Мне, однако, кажется, что в большой системе координат все эти новые стилистики не стоит рассматривать отдельно от риторической оси, с которой их роднит инструментальный подход. Информационная среда привела к тому, что агора сменилась глобальной паутиной, а риторические средства приобрели мультимедийный характер, но стиль в названных выше направлениях по-прежнему встроен в систему речевого воздействия, а теории стиля склонны к выделению атомарных единиц, обеспечивающих это воздействие. Иное дело – холистические или нормативные теории. Тут отличие принципиальное.

²³ *Toward a Theory of Creative Stylistics* by Vosilifuni Saito. MA. URL: <https://eprints.nottingham.ac.uk/12549/1/363611.pdf>

²⁴ Добросклонская, Т. Г. 2008. *Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь*. Москва: Флинта, Наука. 264 с. [DOBROSKLONSKAJA, T. G. 2008. *Medialingvistika: sistemnyj podhod k izučeniju jazyka SMI: sovremennaja anglijskaja mediareč'*. Moskva: Flinta, Nauka. 264 s.]

²⁵ Клушина, Н. И. 2023. „Введение”. *Стилистика славянских стран на рубеже XX–XXI веков*. Москва: Флинта, Наука (в печати). [KLUSINA, N. I. „Vvedenie”. *Stilistika slavjanskih stran na rubeže XX–XXI vekov*. Moskva: Flinta, Nauka (u tisku).]

²⁶ Тошович, Б. 2015. *Интернет-стилистика*. Москва: Флинта, Наука. [TOŠOVIĆ, B. 2015. *Internet-stilistika*. Moskva: Flinta, Nauka.]

2. РОМАНТИЧЕСКИЕ, ИЛИ ХОЛИСТИЧЕСКИЕ, ТЕОРИИ СТИЛЯ

Центральная категория здесь – идентичность, а не воздействие. Стиль рассматривается как нечто присущее какому-либо явлению: таков национальный стиль, стиль эпохи, стиль культуры, стиль литературного произведения или авторский стиль. Такой подход, хотя и пользуется выделением отдельных единиц, образующих литературный или архитектурный текст, но делает акцент на их совокупном употреблении, обеспечивающем целостность стиля и текста (дискурса). И здесь всегда есть соблазн интуитивного, художественного постижения стиля – духа времени, национального духа и т. п. Более того, такое постижение в известной степени необходимо при создании холистических теорий стиля.

Уже классическая риторика, наряду со своими теориями трех или четырех стилей, знала такое деление, как аттический, родосский и азианский стили. Аттический стиль был просто присущ населению Аттики, родосский – Родоса, а азианский – жителям передней Азии. В целом это была попытка посмотреть на стиль с позиции скорее идентичности, чем воздействия, попытка для риторики не характерная.

Неслучайно в рамках самой риторики просматривается тенденция отождествить аттический, родосский и азианский стили с тремя риторическими стилями: азианский стиль соотносился с высоким (выспренным), родосский – со средним. Аттический ложился на эту триаду хуже. Он тоже иногда соотносился с высоким, но иногда и с простым (строгим).

В противоположном направлении двигалась историческая мысль работавшего в исторической парадигме Иоганна Винкельмана, одного из основателей (наряду с такими колоссами, как Гете и Гегель) холистического взгляда на стиль. Винкельман выделял три периода в истории древнегреческого искусства, которым соответствовали строгий, высокий и изящный стили.

В античной риторике встречалась также, но также была для нее не характерна попытка выделения стиля на основании социальной характеристики: *urbanitas*, *rusticitas u peregrinitas*, т. е. „городской”, „сельский” и „чужеземный”. Стремление риторики освоить и эту триаду проявилось не в соотношении с высоким или низким стилем, а в попытке поставить в соответствие этим стилям риторические средства. Так, астеизм как вид иронии соотносился с признаком столичности, а литотес – сельскости. Сегодня этому соответствует изучение стиля коммуникативного поведения различных социальных групп.

Истинный час холистических теорий стиля настал после открытия нации и

подпитывался расцветом романтизма и национализма.

Позднее, когда идеологическое начало в национальных государствах стало подменять собственно национальное, когда появились все признаки „века толп”²⁷, теории эти стали терять привлекательность. Создавалось впечатление, что там, где в девятнадцатом веке мы видели нечто органичное, в двадцатом мы имели дело с искусственным конструктом, поддерживаемым пропагандистской машиной. Сама пропаганда тоже проходила через стилевую эволюцию²⁸, но стили эти были сконструированы искусственно и тяготели к нормативности. При этом обнаружилось, что стилевые игры двадцатого века таят в себе вполне ощутимую опасность нацизма и тоталитаризма²⁹.

Новый интерес к холистическим теориям возродила поздняя ностальгия по утраченной целостности бытия, разочарование в техническом прогрессе, а во второй половине двадцатого века и апология архаики. Именно в этот период заговорили о неогумбольдтианстве (возрождении интереса к „внутренней форме языка”) и неопотембианстве (возрождении интереса к „внутренней форме слова”). Эти идеи получили дополнительную подпитку в гипотезе языковой относительности, а потом и в когнитивной лингвистике, когда интерес к различным „картинам мира” и „языковым образам мира” буквально захлестнул гуманитаристику (см., например, Гачев³⁰). На этой же волне поднялась концептология. Вышел, например, словарь академика Ю. С. Степанова *Константы. Словарь русской культуры*³¹, отчасти напоминающий словарь Эмиля Бенвениста³², но дальше отходящий от легко дефинируемых лингвистических категорий в сторону интуитивных постижений.

Среди современных стилистов наиболее последовательным поборником холизма является академик Станислав Гайда, поддерживающий концепцию на-

²⁷ Москвичи, С. 1998. Век толп. *Исторический трактат по психологии масс*. Пер. с фр. Москва: Центр психологии и психотерапии. [Moskovič, S. 1998. *Vek tolp. Istoričeskij traktat po psihologii mass*. Prijevod s franc. Moskva: Centr psihologii i psihoterapii.]

²⁸ ХАЗАГЕРОВ, Г. *От символа к симулякру* (в печати). [HAZAGEROV, G. *Ot simvola k simuljakru* (u tisku).]

²⁹ KLEMPERER, V. 1947. *Lingua Tertii Imperii Notizbucheines Philologen*. Berlin.

³⁰ ГАЧЕВ, Г. 1988. *Национальные образы мира*. Москва: Советский писатель. [GAČEV, G. 1988. *Nacional'nye obrazy mira*. Moskva: Sovetskij pisatel'.]

³¹ СТЕПАНОВ, Ю. С. 1997. *Константы. Словарь русской культуры*. Москва: Языки русской культуры. [STEPANOV, Ju. S. 1997. *Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury*. Moskva: Jazyki ruskoj kul'tury.]

³² БЕНВЕНИСТ, Э. 1995. *Словарь индоевропейских социальных терминов*. Москва: Прогресс. [BENVENIST, E. 1995. *Slovar' indoevropskih social'nyh terminov*. Moskva: Progress.]

ционального стиля³³. В его работах привлекает внимание их гуманистический пафос. Стиль для него – гуманистическая структура текста.

Если понятие „национальный стиль” рождается внутри парадигмы идентичности (немцы о немцах, русские – о русских), то понятие „эпохальный стиль”, разработанное применительно к стилям средневековья, является внешним описанием стиля. Такое описание выросло из историзма девятнадцатого века и привело к понятию „стиль культуры” в знаменитой работе Отто Шпенглера: „... в общей исторической картине культуры может существовать только один стиль, а именно стиль этой культуры”³⁴.

В теории эпохальных стилей, развитой на более рациональной почве академиком Д. С. Лихачевым³⁵, вдохновившимся идеями Генриха Вёльфлина³⁶, стили эти связываются с целостным, но в то же время негибким восприятием средневекового человека. Этот человек жил внутри своего стиля, который распространялся на произведения словесности, архитектуру, живопись и этикет поведения. Это давало носителю стиля редкое чувство гармонии с окружающим миром, так сказать, возобновляющееся подтверждение собственной идентичности. Однако за пределами своего стиля средневекового человека поджидала чужая и непонятная зона – *hic sunt leonem*, как писали на древних картах. Выросший внутри такого стиля человек был глух к восприятию чего-то нового.

Стили, однако, сменяют друг друга. В теории Д. С. Лихачева эпохальные стили эволюционировали под влиянием неуклонно развивающегося личностного начала и, в конце концов, были разрушены появлением индивидуально-авторских стилей. Любопытно, что один из учеников Лихачева, доктор филологических наук и писатель Е. Г. Водолазкин, в романе *Лавр* фактически предпочел средневековую целостность „частичному” человеку современности.

³³ Гайда, С. „Национальный стиль как стилистическая категория”. *Жанры речи. Международный научный журнал*. URL: <https://old-zhanry-rechi.sgu.ru/ru/articles/nacionalnyy-stil-kak-stilisticheskaya-kategoriya> [GAJDA, S. „Nacional'nyj stil' kak stilističeskaja kategorija”. *Žanry reči. Meždunarodnyj naučnyj žurnal*. URL: <https://old-zhanry-rechi.sgu.ru/ru/articles/nacionalnyy-stil-kak-stilisticheskaya-kategorija>]

³⁴ ШПЕНГЛЕР, О. 1998. *Закат Европы*. Ростов-на-Дону: 36. [ŠPENGLER, O. 1998. *Zakat Evropy*. Rostov-na-Donu.]

³⁵ ЛИХАЧЕВ, Д. С. 1973. *Развитие русской литературы X–XVII веков*. Ленинград: Наука. [LIHAČOV, D. S. 1973. *Razvitie russkoj literatury X–XVII vekov*. Leningrad: Nauka.]

³⁶ РЕЙХЛИН, Г. 2004. *Ренессанс и барокко. Исследование сущности и становления стиля в Италии*. Азбука классика. URL: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/istorija_vozrozhdenie/vjolfllin_g_renessans_i_barokko/9-1-0-2549 [REJHLIN, G. 2004. *Renessans i barokko. Issledovanie suščnosti i stanovlenija stilja v Italii*. Azbuka klassika. URL: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/istorija_vozrozhdenie/vjolfllin_g_renessans_i_barokko/9-1-0-2549]

Надо отметить, что интерес к средним векам во второй половине двадцатого века постепенно перерос в апологию средних веков³⁷. Эта апология, пройдя фазу антиисторизма, создала разнообразных поклонников средних веков, от фанатов фэнтези и всевозможных игр до использования архаики как инструмента пропаганды.

Таков был общий контекст возрождения описываемого здесь подхода.

Сила холистических теорий стиля в том, что они не подходят к феномену стиля с нормативной или инструментальной точки зрения и оставляют широкие просторы для герменевтической мысли, чего не делает сама риторика или, тем более, функциональная стилистика. У холистического подхода – собственная стезя. Проиллюстрирую это двумя примерами.

Излагая свою теорию стиля, академик Лихачев использовал ряд риторических понятий, таких, например, как амплификация, риторический баланс, анафора. Но, используя эти термины, он анализировал памятники древнерусского эпидейктического красноречия как явления цельного „стиля монументального историзма”. Действительно, одно дело – анафора как заурядная единица риторики, а другое дело – переплетающиеся ряды анафор (одна еще не закончилась, а другая уже начинается) в сочетании с амплифицирующим принципом развертывания текста, в котором мысль прирастает медленными порциями. Это как раз черты такого стиля. И если анализировать, скажем, *Слово о законе и благодати* или *Слово о полку Игореве*, что мне приходилось делать, то не стоит ограничиваться простым указанием на отдельные тропы и фигуры. В этом смысле целостный подход к стилю, привлекающий риторические, лингвистические, архитектурные, эстетические и любые другие категории для удобства литературоведческого или культурологического анализа, остается самим собой.

Другой пример из области индивидуально-авторских стилей. Такие стили крайне трудно анализировать нормативно, или узко риторически. К сожалению, именно так происходит в школьном литературоведении при разборе художественного произведения с выявлением так называемых „художественных особенностей”. Например, одно дело эпитет в риторике как единичный троп, который мы можем классифицировать как метафорический или метонимический, другое – пушкинский точный эпитет с его регулярностью, что очень важно, и с установкой на краткость.

В конце концов, стиль – это не результат выбора или набора средств, а по

³⁷ Гуревич, А. Я. 1972. *Категории средневековой культуры*. Москва: Искусство. [GUREVIČ, A. Ja. 1972. *Kategorii srednevekovoj kul'tury*. Moskva: Iskusstvo.]

словам Ж.-Л. Бюффона, „сам человек”.

Одно очевидно – холистические теории образуют совершенно самостоятельную ось, ортогональную по отношению к оси риторической. А значит, эта ось существует вполне самостоятельно, независимо от того, признаем ли мы за ней, вслед за академиком Станиславом Гайдой, гуманистическое содержание ее теорий или, напротив, останемся верны риторике как проводнику гуманизма и демократии в системе образования. Но очевидно и другое: помимо индивидуальных и эпохальных стилей, которые можно *изучать*, существуют и функциональные стили, которым, по мысли В. Матезиуса (1967: 465)³⁸, можно и нужно *научиться*. К рассмотрению функционально-стилистических теорий мы и перейдем.

3. НОРМАТИВНЫЕ ТЕОРИИ СТИЛЯ

Понятие языковой нормы сложилось достаточно поздно и притом в национальных государствах, прежде всего в абсолютистской Франции, т. е. при Людовике XIV. Именно тогда работали так называемые синонимисты³⁹, занимавшиеся под руководством министра Кольбера уточнением значений синонимов. Эпоха классицизма создала Словарь и Академию, что открыло возможность активного влияния государства на языковую политику и кодификацию нормы. Эти процессы протекали и в России, причем теория стилей Ломоносова, будучи теорией скорее стилистической, чем риторической, о чем выше было сказано, способствовала развитию нормативного направления.

От синонимистов прямая линия ведет через Фердинанда де Соссюра к Шарлю Балли, одному из основоположников функциональной стилистики. Балли, как известно, проявлял особый интерес к экспрессии, что вытекало из его общих взглядов на язык и гармонировало с его теорией модуса и диктума. „Действительность не отражается, а преломляется в нас, т. е. подвергается искажениям, причина которых кроется в самой природе нашего я” (1961: 23)⁴⁰.

³⁸ МАТЕЗИУС, В. 1967. „Язык и стиль”. *Пражский лингвистический кружок*. Москва: 444–523. [MATEZIUS, V. 1967. „Jazyk i stil’”. *Pražskij lingvističeskij kružok*. Moskva: 444–523.]

³⁹ ОРУ, С. 2000 [1985]. „Две гипотезы о происхождении соссюрвской концепции языковой значимости”. *История. Эпистемология. Язык*. Пер. с фр. Москва: 274–280. [ORU, S. 2000 (1985). „Dve gipotezy o proishozhdenii sossjurovskoj koncepcii jazykovoj značivosti”. *Historija. Epistemologija. Jazyk*. Prijevod s franc. Moskva: 274–280.]

⁴⁰ БАЛЛИ, Ш. 1961. *Французская стилистика*. Москва: Изд-во иност. лит. 394 с. [BALLI, Š. 1961. *Francuszkaja stilistika*. Moskva: Izdatel’stvo inostr. literatury. 394 str.]

Хотя стилистическая теория Балли, несомненно, лежит в русле нормативного подхода, она оказывается сегодня в более выгодном положении по отношению к сугубо нормативным взглядам. Причина очевидна: изменение отношения к норме.

До появления в конце двадцатых годов двадцатого века пражской теории нормы норма отражала борьбу вкусовых предпочтений, проявившуюся, например, в споре „карамзинистов” с „шишковистами”. Пражский лингвистический кружок вывел теорию нормы из тупика, сформулировав понятие литературного языка⁴¹ как языка, способного передавать максимальное число смысловых и стиливых оттенков. Чтобы такой язык функционировал, необходимо иметь кодифицированную норму. Если норма не кодифицирована, я не смогу передавать тонкие смысловые и стилистические оттенки, потому что я не буду знать, как поймет мои слова собеседник. Чтобы это случилось, он должен видеть перед собой ту же норму, что и я. Мысль изящная и тоже восходящая к синонимистам. К тому же пражские функционалисты провозгласили принцип „гибкой стабильности нормы”, что обеспечивало исторические перспективы пражской теории. Норма будет оставаться – содержание конкретных норм может изменяться.

Однако, начиная с девяностых годов прошлого века, сетевое общение в корне изменило ситуацию. Вначале расшатывание языковой нормы воспринималось как досадное, но поправимое ослабление государственной языковой политики. Казалось, нужно только больше корректоров, редакторов и словарей, и норма окрепнет. Замышлялась даже реформа орфографии, настолько сильна была вера в норму и эффективность ее кодификации⁴². Затем предлагалось „либерализовать” норму, т. е. отказаться от ее императивности. Пусть она носит рекомендательный характер. Самый известный пример – разрешение говорить *мое кофе*. Тогда еще не догадывались, что нашего разрешения никто не спрашивает, что сама норма, либеральна она или нет, в массовом обществе больше не является ценностью для большинства говорящих. Неочевидным было и то, что процесс расшатывания нормы образует цепную реакцию, т. е. разгоняет сам себя. Какой смысл мне знать, какой именно синоним точнее выражает то, что я хочу сказать, если мой собеседник имеет другой синонимический ряд, более бедный или более богатый? Приходится полагаться скорее на смайлики и жестовое изо-

⁴¹ МАТЕЗИУС, В. „О необходимой стабильности литературного языка”. *Избранные труды по языкознанию*: 94–209. [МАТЕЗИУС, V, „O neobhodimosti stabil'nosti literaturnogo jazyka”. *Izbrannye trudy po jazykoznaniju*: 94–209.]

⁴² Архивная публикация 2001 года: „Всех накроет парашУт, или Остановите Лопатина!”, *Профиль*. URL: <https://profile.ru/archive/vseh-nakroet-parashut-ili-ostanovite-lopatina-106139/>

бражение иронических кавычек, чем на свое языковое чутье. Стимул к точности выражения притупляется.

Выход нашли в том, что понятие „литературный язык” было благополучно заменено понятием „языковой стандарт”. Причем сделано это было так естественно, что многие лингвисты до сих пор не видят разницы в понятиях „литературный язык” и „языковой стандарт”, хотя на наших глазах произошла подмена нормы фитнесом, т. е. соответствием. В отечественной лингвистике языковой стандарт определяется как „совокупность требований к различным уровням владения языком, зафиксированных в специальном описании языка в учебных целях; нормы владения языком, принятые в данном языковом обществе”⁴³. Определение при вдумчивом его чтении достаточно ясно показывает различие между литературным языком с его нормой, с одной стороны, и стандартом, с другой. В английской лингвистике проблемой нормы обеспокоен профессор Дэвид Кристалл, который объясняет новые процессы глобальным функционированием английского языка и влиянием интернета⁴⁴.

Переход к языковому стандарту (языковым стандартам) выглядит как вполне адекватный шаг: если ты хочешь работать водителем автобуса в Лондоне, от тебя потребуется сдать *IELTS* на 6 баллов, если хочешь работать в бизнесе – на 8. Эти баллы не имеют никакого отношения к знаниям английского литературного языка. Ты можешь быть английским поэтом, владеть большим словарным запасом, язык может быть для тебя родным или неродным. Это не критично. Критично то, что твой уровень владения языком соответствует твоей производственной среде, а значит это не приведет к коммуникативным сбоям. И хотя некоторые авторы видят в этом новую эпоху прескрипций⁴⁵, сам характер прескрипций существенно изменился: сегодня они не опираются на идеальный образ литературного языка, а представляют собой наборы требований, облегчающих общение.

Такова драма нормы в современном мире, и мне, как и другим гуманитариям, это не доставляет удовольствия. Но мы живем в массовом обществе, и от хаоса защищены, по-видимому, только прагматикой фитнеса. Вот на нее и полагают-

⁴³ Азимов, Э. Г., А. Н. Щукин. 2009. „Языковой стандарт”. *Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам)*. Москва: ИКАР: 365. [Azimov, E. G., A. N. ŠČUKIN. 2009. „Jazykovej standart”. *Novyj slovar' metodičeskih terminov i ponjatij (teorija i praktika obučenija jazykam)*. Moskva: IKAR: 365.]

⁴⁴ CRYSTAL, David. 1997. *The Cambridge Encyclopedia of the English Language*.

⁴⁵ BEAL, Joan C. 2018. “‘Back to the Future’: The ‘New Prescriptivism’ in Twenty-First-Century Britain”. *E-rea* 15 (2). Accessed 7 February 2020. URL: <https://journals.openedition.org/erea/6090>.

ся. Экзамены для чиновников или водителей, похоже, никто не отменит, напротив, они будут проникать в быт. Так, Министерство просвещения анонсировало разработку „многоуровневого экзамена, который был бы разработан с учетом уровней, которые уже есть, по типу *IELTS*⁴⁶”.

Есть еще один способ установления порядка, на этот раз с одновременным совершенствованием языка. Он был известен риторике до того, как сформировался концепт нормы. Способ этот – задание модных трендов, которым носители следуют добровольно. Это явление существует и сегодня, но не получило научного описания, вследствие чего оценить этот путь пока невозможно.

Сегодня в России чрезвычайно сильна и авторитетна именно функциональная стилистика, в ведении которой находится нормализация в области стилей. Она закрепляет стилевые нормы в учебнике, учит студентов избегать стилистических ошибок. Именно функциональная стилистика является вузовской дисциплиной. Вышедший в 2006 году под редакцией М. Н. Кожинной большой стилистический словарь⁴⁷ выдержан в парадигме функциональной стилистики, где нормативный подход принят за точку отсчета. Уже в предисловии к словарю сказано о „некоторых негативных явлениях”, таких, как нарушение стилистических норм.

У истоков этой стилистики лежат те же пражские идеи, адаптированные, однако, академиком В. В. Виноградовым⁴⁸ и профессором М. Н. Кожинной⁴⁹ к реалиям нашей страны. Отметим коротко, что по другому пути пошел Роман Якобсон, объединивший идеи русских формалистов с новой американской критикой и уделивший внимание открытой им поэтической функции языка⁵⁰ и поэтическому языку вообще. Но этот путь уходит от нормативного подхода, и соответствующие стилистические теории, распространенные в английской

⁴⁶ „Министерство просвещения предлагает экзамен по русскому языку для иностранцев”. ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6741640> [„Ministerstvo prosvěšćenija predlažetao ekzamen po russkomu jazyku dlja inostrancev”. TASS. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6741640>]

⁴⁷ *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*. Москва: Флинта, Наука. 2006. [Stilističeskij enciklopedičeskij slovar' russkogo jazyka. Moskva: Flinta, Nauka. 2006.]

⁴⁸ Виноградов, В. В. 1959. „История обсуждения вопросов стилистики”. *Вопросы языкознания*, № 1. [VINOGRADOV, V. V. 1959. „Historija obsuždenija voprosov stilistiki”. *Voprosy jazykoznanija*, 1.] Виноградов, В. В. 1959. *Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика*. Москва. [VINOGRADOV, V. V. 1959. *Stilistika. Teorija poetičeskoj reči. Poetika*. Moskva.]

⁴⁹ Кожина, М. Н. 1968. *К основаниям функциональной стилистики*. Пермь. [KOŽINA, M. N. 1968. *K osnovanijam funkcional'noj stilistiki*. Perm'.]

⁵⁰ Якобсон, Р. 1975. „Лингвистика и поэтика”. *Структурализм: „за” и „против”*. Москва. URL: <https://philologos.narod.ru/classics/jakobson-lp.htm> [JAKOBSON, R. 1975. „Lingvistika i poetika”. *Strukturalizm: „za” i „protiv”*. Moskva. URL: <https://philologos.narod.ru/classics/jakobson-lp.htm>]

стилистике, будут тяготеть к риторическому или герменевтическому (холистическому) подходам.

Советская нормативная функциональная стилистика адекватна авторитарному советскому государству, располагавшему неисчерпаемыми ресурсами регламентации. Такая стилистика закономерно дрейфовала в сторону стиливого декора, который представляется вполне достижимым, а узус, в свою очередь, пластичным и податливым. Приведу лишь один пример.

Официально-деловой стиль, как он толкуется в функциональной стилистике, практически не предполагает столкновение человеческих волей в деловой сфере жизни. Говорящим предоставляется роль исполнителей протокола, почти свободных от собственных интересов и не желающих воздействовать друг на друга (и на протокол). Именно поэтому в этом стиле признаются излишними эмоциональность и экспрессия. Стиль „безэмоционален”, стандартизован, избегает личных местоимений первого и второго лица, стремится к безличности (Дускаева, Протопопова 2003: 274–275)⁵¹. Но разве таков узус? Мы знаем, что при обсуждении приема на работу того или иного кандидата говорящие не придерживаются того, что называется официально-деловым стилем. Но тогда каков их стиль? Разговорный? На практике он допускал обценную лексику, хотя и протекал в той сфере деятельности, которую мы называем деловой, и, более того, был частью общественного сознания, присущего этой сфере. Сегодня ситуацию с нашим примером изменили заимствованные коммуникативные технологии – резюме и собеседования. Но сути дела это не изменило. Можно, конечно, возразить, что деловые решения можно обсуждать официальным языком и неофициальным. Но тогда возникает вопрос, к какому стилю, к какой сфере жизни будут относиться эти неофициальные обсуждения в деловой сфере, составляющие к тому же ее сердцевину, потому что сфера эта предполагает столкновение волей и интересов, а не простое оформление бумаг, которое выступает лишь как результат принятия решения, служит тенью деловой жизни.

По справедливому мнению самой же М. Н. Кожиной, функционально-стилистические теории тем и своеобразны, что изучают „не структуру языка в его имманентной сущности, но использование его в разных актах речевого общения, что зависит не только (и не столько) от самого языка, сколько от экстралингвистических факторов (от сферы общения, видов деятельности, формы обще-

⁵¹ ДУСКАЕВА, Л. Р., О. В. ПРОТОПОПОВА. 2002. „Официально-деловой стиль”. *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*. Москва: Флинта: 273–277. [DUSKAJEVA, L. R., O. V. PROTODOROVA. 2002. „oficial'no-delovoj stil”. *Stilističeskij enciklopedičeskij slovar' risskogo jazyka*. Moskva: Flinta: 273–277.]

ственного сознания, типа мышления, целей и задач общения, типа содержания, жанра и много другого), детерминирующих закономерности функционирования языка в указанных выше разновидностях, их специфику и стилистико-речевую системность” (Кожина 2002: 576)⁵². Отсюда с необходимостью следует, что они должны отражать узус.

Но на практике советская стилистика предполагала сильное государство, заинтересованное в нормировании общения. Пять классических функциональных стилей были до какой-то степени выделены из узуального употребления, а до какой-то предписаны как некая данность. Это были научный стиль, официально-деловой, газетно-публицистический, разговорный и литературно-художественный стиль. Почему сфер было именно пять? Соответствует ли на самом деле каждому стилю тип общественного сознания? Почему этих типов именно пять? Это никогда не было предметом столь же серьезного обсуждения, как учение о частях речи того же академика Виноградова. У такой смелости квантования стилистического пространства были, конечно, свои резоны: была уверенность, что нормы будут так или иначе поддержаны сильной языковой политикой. В этих обстоятельствах декларируемые пять стилей рано или поздно должны были стать реальностью и частью общественного сознания.

Но ситуация изменилась, а теория почти не изменилась. В постсоветский период к пяти стилям был лишь добавлен религиозно-проповеднический стиль⁵³. Причем осталось непонятным, в какой мере этот стиль отражает узус, в какой идеологическую конъюнктуру⁵⁴. Было также непонятно, как удалось плавно перенести деловой стиль из одной реальности (плановое ведение хозяйства) в другую (рыночная конкуренция). Никогда не было понятно, что такое литера-

⁵² Кожина, М. Н. 2002. „Функциональная стилистика (учение о функциональных стилях)”. *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*. Москва: Флинта: 576–577. [KOŽINA, M. N. 2002. „Funkcional'naja stilistika (učenie o funkcional'nyh stiljah)”. *Stilističeskij enciklopedičeskij slovar' risskogo jazyka*. Moskva: Flinta: 576–577.]

⁵³ Крысин, Л. П. 2004. „Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме русского литературного языка”. *Русское слово, свое и чужое*. Москва: Языки славянских культур: 287–292. [KRYŠIN L. P. 2004. „Religiozno-propovedničeskij stil' i ego mesto v funkcional'no-stilističeskoj paradigme russkogo literaturnogo jazyka”. *Russkoe slovo, svoje i čužoe*. Moskva: Jazyki slavjanskih kul'tur: 287–292.]

⁵⁴ Москвин, В. П. 2019. „О месте церковно-религиозной речи в системе русского языка. Разработка проблемы религиозного стиля в славянском языкознании”. *Настоящее и будущее стилистики: сб. науч. ст. Междунар. науч. конф. (13–14 мая 2019 г.)*. Под ред. Е. Л. Варгановой, Н. И. Клушиной, С. Ф. Барышевой. Москва: 520–529. [MOSKVIN, V. P. 2019. „O meste cerkovno-religioznoj reči v sisteme russkogo jazyka. Razrabotka problemy religioznogo stilja v slavjanskom jazykoznanii”. *Nastojščee i buduščee stilistiki: zbor. nauč. st. Meždunar. nauč. konf. (13–14 maja 2019 g.)*. Pod red. E. L. Vartanovoj, N. I. Klušinoj, S. F. Baryševoj. Moskva: 520–529.]

турно-художественный и разговорный стили. Газетно-публицистический стиль тоже перешел из старой реальности в новую, с ее рекламой, *PR*, политическими технологиями и социальными сетями. Впрочем, внешние факторы менялись слишком быстро, и винить функциональных стилистов не стоит. Моя же критика обусловлена тем, что я вынужден рассматривать всю ситуацию в стилистике в целом.

Следует признать, что сильной стороной функционально-стилистических теорий является их зона ответственности – уместность речи в зависимости от ситуации общения. Это, безусловно, вносит порядок в общение и обосновывает независимое от риторического и холистического подхода направление. Но мнимая независимость функциональной стилистики от глобальных процессов, протекающих в области языковой нормы, не относится к ее сильным сторонам.

Между тем движение от нормы к фитнесу находится именно в логике уместности. Функциональная стилистика давно стремится к дифференциации своих стилей, к выделению подстилей. Отсюда один шаг до соответствия стилистическим стандартам, принятым в том или ином учреждении, в той или иной корпорации. С моей точки зрения, нормативные теории стиля оказываются сегодня на распутье: или переход к стандартам и отказ от универсализма, или обслуживание имитационных процессов, где стилистические идеалы выдаются за действительность.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные теории стиля можно критиковать с той или иной позиции, от чего и я не смог удержаться, но совершенно очевидно, что они образуют три группы, которые дают нам три подхода к стилю.

Стиль – либо инструмент (риторика), либо медиатор идентичности (холистические теории), либо медиатор уместности (функциональная стилистика).

ЛИТЕРАТУРА

- АВЕРИНЦЕВ, С. С. 1996. *Риторика и истоки европейской литературной традиции*. Москва. [AVERINCEV, S. S. 1996. *Ritorika i istoki evropejskoj literaturnoj tradicii*. Moskva.]
- АЗИМОВ, Э. Г., А. Н. ЩУКИН. 2009. „Языковой стандарт”. *Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам)*. Москва: ИКАР: 365. [AZIMOV, E. G., A. N. ŠČUKIN. 2009. „Jazykovej standart”. *Novýj slovar' metodických terminov i ponjatij (teorija i praktika obučeniya jazykam)*. Moskva: IKAR: 365.]
- АРИСТОТЕЛЬ. 1978. „Риторика”. *Античные риторики*. Москва: Изд-во МГУ. [ARISTOTEL. 1978. „Ritorika”. *Antičnye ritoriki*. Moskva: Izdatel'stvo MGU.]
- АРНОЛЬД, И. В. 1975. „Интерпретация художественного текста: типы выдвижения и проблемы экспрессивности”. *Экспрессивные средства английского языка*. Ленинград. [ARNOL'D, I. V. 1975. „Interpretacija hudožestvennogo teksta: tipy vydvizenija i problemy ekspressivnosti”. *Ekspressivnye sredstva anglijskogo jazyka*. Leningrad.]
- Архивная публикация 2001 года: „Всех накроет парашУт, или Остановите Лопатина!”, *Профиль*. URL: <https://profile.ru/archive/vseh-nakroet-parashut-ili-ostanovite-lopatina-106139/> [Arhivnaja publikacija 2001 goda: „Vseh nakroet parašUt, ili Ostanovite Lopatina!”, *Profil'*. URL: <https://profile.ru/archive/vseh-nakroet-parashut-ili-ostanovite-lopatina-106139/>]
- БАЛЛИ, Ш. 1961. *Французская стилистика*. Москва: Изд-во иностр. лит. 394 с. [BALLI, Š. 1961. *Francuzskaja stilistika*. Moskva: Izdatel'stvo inostr. literatury. 394 str.]
- БЕЛИНСКИЙ, В. Г. 1956. „Общая риторика Н. Ф. Кошанского (рецензия)”. *Полное собрание сочинений в 13 т.* Т. 8. Москва. [BELINSKIJ, V. G. 1956. „Obščaja ritorika N. F. Košan'skogo (recenzija)”. *Polnoe sobranie sočinenij v 13 t.* Т. 8. Moskva.]
- БЕНВЕНИСТ, Э. 1995. *Словарь индоевропейских социальных терминов*. Москва: Прогресс. [BENVENIST, E. 1995. *Slovar' indoevropejskih social'nyh terminov*. Moskva: Progress.]
- ВИНОГРАДОВ, В. В. 1959. „История обсуждения вопросов стилистики”. *Вопросы языкознания*, № 1. [VINOGRADOV, V. V. 1959. „Historija obsuždenija voprosov stilistiki”. *Voprosy jazykoznanija*, 1.]
- ВИНОГРАДОВ, В. В. 1959. *Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика*. Москва. [VINOGRADOV, V. V. 1959. *Stilistika. Teorija poetičeskoj reči. Poetika*. Moskva.]

- ГАЙДА, С. 2013. „Что такое стиль?“ *Славянская стилистика. Век XXI*. Санкт-Петербург: 33–44. [GAJDA, S. 2013. „Čto takoe stil’?“ *Slavjanskaja stilistika. Vek XXI. Sankt-Peterburg*: 33–44.]
- ГАЙДА, С. „Национальный стиль как стилистическая категория“. *Жанры речи. Международный научный журнал*. URL: <https://old-zhanry-rechi.sgu.ru/ru/articles/nacionalnyu-stil-kak-stilisticheskaya-kategoriya> [GAJDA, S. „Nacional’nyj stil’ kak stilističeskaja kategorija“. *Žanry reči. Meždunarodnyj naučnyj žurnal*. URL: <https://old-zhanry-rechi.sgu.ru/ru/articles/nacionalnyu-stil-kak-stilisticheskaya-kategoriya>]
- ГАСПАРОВ, М. Л. 1997. „Античная риторика как система“. *Избранные труды. Том 1. О поэтах*. Москва: Языки русской культуры: 556–586. [GASPAROV, M. L. 1997. „Antičnaja ritorika kak sistema“. *Izbrannye trudy. Tom 1. O poetah*. Moskva: Jazyki russoj kul’tury: 556–586.]
- ГАЧЕВ, Г. 1988. *Национальные образы мира*. Москва: Советский писатель. [GAČEV, G. 1988. *Nacional’nye obrazy mira*. Moskva: Sovetskij pisatel’.]
- ГОЛЬДЕНВЕЙЗЕР, А. [s. a.] „В защиту права“. С. 5 URL: https://thelib.ru/books/goldenveyzer_a/v_zaschitu_prava_stati_i_rechi-read-5.html [GOL’DENVEJZER, A. „V zaščitu prava“. S. 5. URL: https://thelib.ru/books/goldenveyzer_a/v_zaschitu_prava_stati_i_rechi-read-5.html]
- ГУРЕВИЧ, А. Я. 1972. *Категории средневековой культуры*. Москва: Искусство. [GUREVIČ, A. Ja. 1972. *Kategorii srednevekovoj kul’tury*. Moskva: Iskusstvo.]
- ДЕМЕТРИЙ. 1978. „О стиле“. *Античные риторики*. Москва: Изд-во МГУ. [ДЕМЕТРИЙ. 1978. „O stile“. *Antičnye ritoriki*. Moskva: Izdatel’stvo MGU.]
- ДОБРОСКЛОНСКАЯ, Т. Г. 2008. *Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиаречь*. Москва: Флинта, Наука. 264 с. [DOBROSKLONSKAJA, T. G. 2008. *Medialingvistika: sistemnyj podhod k izučeniju jazyka SMI: sovremennaja anglijskaja mediareč’*. Moskva: Flinta, Nauka. 264 s.]
- ДУСКАЕВА, Л. Р., О. В. ПРОТОПОПОВА. 2002. „Официально-деловой стиль“. *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*. Москва: Флинта: 273–277. [DUSKAJEVA, L. R., O. V. PROTODPOVA. 2002. „oficial’no-delovoj stil’“. *Stilističeskij enciklopedičeskij slovar’ risskogo jazyka*. Moskva: Flinta: 273–277.]
- КЛУШИНА, Н. И. 2023. „Введение“. *Стилистика славянских стран на рубеже XX–XXI веков*. Москва: Флинта, Наука (в печати). [KLUŠINA, N. I. „Vvedenie“. *Stilistika slavjanskih stran na rubeže XX–XXI vekov*. Moskva: Flinta, Nauka (u tisku).]
- КЛУШИНА, Н. И. 2018. *Медиастилистика*. Москва: Флинта, Наука. [KLUŠINA, N. I. 2018. *Mediastilistika*. Moskva: Flinta, Nauka.]

- КОЖИНА, М. Н. 1968. *К основаниям функциональной стилистики*. Пермь. [KOŽINA, M. N. 1968. *K osnovanijam funkcional'noj stilistiki*. Perm'.]
- КОЖИНА, М. Н. 2002. „Функциональная стилистика (учение о функциональных стилях)”. *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*. Москва: Флинта: 576–577. [KOŽINA, M. N. 2002. „Funkcional'naja stilistika (učenie o funkcional'nyh stiljah)”. *Stilističeskij enciklopedičeskij slovar' risskogo jazyka*. Moskva: Flinta: 576–577.]
- КРЫСИН, Л. П. 2004. „Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме русского литературного языка”. *Русское слово, свое и чужое*. Москва: Языки славянских культур: 287–292. [KRYVIN, L. P. 2004. „Religiozno-propovedničeskij stil' i ego mesto v funkcional'no-stilističeskij paradigme ruskogo literaturnogo jazyka”. *Russkoe slovo, svoje i čužoe*. Moskva: Jazyki slavjanskih kul'tur: 287–292.]
- Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник*. Москва: Флинта, Наука. 2003. [Kul'tura russoj reči. *Enciklopedičeskij slovar'-spravočnik*. Moskva: Flinta, Nauka. 2003.]
- КУПИНА, Н. А. „Креативная стилистика и практическая филология”. *Стилистика сегодня и завтра: материалы конференции*. Часть 1. Москва: Факультет журналистики: 140–144. URL: [tps://elar.urfu.ru/bitstream/10995/24211/1/kupina_2014_1.pdf](https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/24211/1/kupina_2014_1.pdf) [KUPINA, N. A. „Kreativnaja stilistika i praktičeskaja filologija”. *Stilistika segodnja i zavtra: materialy konferencii*. Čast' 1. Moskva: Fakul'tet žurnalistiki: 140–144. URL: [tps://elar.urfu.ru/bitstream/10995/24211/1/kupina_2014_1.pdf](https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/24211/1/kupina_2014_1.pdf)]
- ЛАХМАНН, Р. 1989. „Два этапа риторики ‘приличия’ (*decorum*) – Риторика Макария и Искусство риторики Феофана Прокоповича”. *Развитие барокко и зарождение классицизма в России XVII – начала XVIII в.* Москва: Наука. [LAHMANN, R. 1989. „Dva etapa ritoriki ‘priličija’ (*decorum*) – Ritorika Makarija i Iskusstvo ritoriki Feofana Prokopoviča” *Razvitie barokko i zaroždenie klassicizma v Rossii XVII – načala XVIII v.* Moskva: Nauka.]
- ЛАХМАНН, Р. 2001. *Демонтаж красноречия*. Санкт-Петербург: Академический проект. [LAHMANN, R. 2001. *Demontaž krasnorečija*. Sankt-Peterburg: Akademičeskij projekt.]
- ЛИХАЧЕВ, Д. С. 1973. *Развитие русской литературы X–XVII веков*. Ленинград: Наука. [LIHAČOV, D. S. 1973. *Razvitie russoj literatury X–XVII vekov*. Leningrad: Nauka.]
- МАТЕЗИУС, В. „О необходимой стабильности литературного языка”. *Избранные труды по языкознанию*: 94–209. [MATEZIUS, V. „O neobhodimosti stabil'nosti

- literaturnogo jazyka". *Izbrannye trudy po jazykoznaniju*: 94–209.]
- МАТЕЗИУС, В. 1967. „Язык и стиль”. *Пражский лингвистический кружок*. Москва: 444–523. [MATEZIUS, V. 1967. „Jazyk i stil”. *Pražskij lingvističeskij kružok*. Moskva: 444–523.]
- МАХОВ, А. Е. [s. a.] „Из истории европейской поэтики”, URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/srednevekovaya-latinskaya-poetika-osnovnye-idei-i-kontseptsii> [МАНОВ, А. Е. „Iz istorii evropejskoj poetiki”, URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/srednevekovaya-latinskaya-poetika-osnovnye-idei-i-kontseptsii>]
- „Министерство просвещения предлагает экзамен по русскому языку для иностранцев”. *TASS*. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6741640> [„Ministerstvo prosvješćenija predlagaet ekzamen po ruskomu jazyku dlja inostrancev”. *TASS*. URL: <https://tass.ru/obschestvo/6741640>]
- МОСКВИН, В. П. 2019. „О месте церковно-религиозной речи в системе русского языка. Разработка проблемы религиозного стиля в славянском языкознании”. *Настоящее и будущее стилистики: сб. науч. ст. Междунар. науч. конф. (13–14 мая 2019 г.)*. Под ред. Е. Л. Варгановой, Н. И. Клушиной, С. Ф. Барышевой. Москва: 520–529. [MOSKVIN, V. P. 2019. „O meste cerkovno-religioznoj reči v sisteme ruskogo jazyka. Razrabotka problemy religioznogo stilja v slavjanskom jazykoznanii”. *Nastojščee i buduščee stilistiki: zbor. nauč. st. Meždunar. nauč. konf. (13–14 maja 2019 g.)*. Pod red. E. L. Vartanovoj, N. I. Klušinoj, S. F. Baryševoj. Moskva: 520–529.]
- МОСКВИН, В. П. 2016. *Теоретические основы стилистики*. Москва: Флинта. [MOSKVIN, V. P. 2016. *Teoretičeskie osnovy stilistiki*. Moskva: Flinta.]
- МОСКОВИЧИ, С. 1998. *Век толп. Исторический трактат по психологии масс*. Пер. с фр. Москва: Центр психологии и психотерапии. [MOSKOVICI, S. 1998. *Vek tolp. Istoričeskij traktat po psihologii mass*. Prijevod s franc. Moskva: Centr psihologii i psihoterapii.]
- ОРУ, С. 2000 [1985]. „Две гипотезы о происхождении соссюровской концепции языковой значимости”. *История. Эпистемология. Язык*. Пер. с фр. Москва: 274–280. [ORU, S. 2000 (1985). „Dve gipotezy o proišoždenii sossjurovskoj koncepcii jazykovoj značimosti”. *Historija. Epistemologija. Jazyk*. Prijevod s franc. Moskva: 274–280.]
- РЕЙХЛИН, Г. 2004. *Ренессанс и барокко. Исследование сущности и становления стиля в Италии*. Азбука классика. URL: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/istorija_vozrozhdenie/vjolfliin_g_renessans_i_barokko/9-1-0-2549 [REJHLIN, G. 2004. *Renessans i barokko. Issledovanie suščnosti i stanovlenija stilja v Italii*. Azbuka klassika. URL: https://platona.net/load/knigi_po_filosofii/istorija_vozrozhdenie/vjolfliin_g_renessans_i_barokko/9-1-0-2549]

- vozhrozhdenie/vjolfliin_g_renessans_i_barokko/9-1-0-2549]
- СКРЕБНЕВ, Ю. М. 1987. „Тропы и фигуры как объект классификаций”. *Проблемы экспрессивной стилистики*. Изд-во РГУ. [SKREBNEV, Ju. M. 1987. „Tropy i figury kak ob’ekt klassifikacij”. *Problemy ekspressivnoj stilistiki*. Izdatel’stvo RGU.]
- СТЕПАНОВ, Ю. С. 1997. *Константы. Словарь русской культуры*. Москва: Языки русской культуры. [СТЕПАНОВ, Ju. S. 1997. *Konstanty. Slovar’ russkoj kul’tury*. Moskva: Jazyki russkoj kul’tury.]
- СТЕПАНОВ, Ю. С. 1990. „Стиль”. *Лингвистический энциклопедический словарь*. Москва: 494–495. [СТЕПАНОВ, Ju. S. 1990. „Stil’”. *Lingvističeskij enciklopedičeskij slovar’*. Moskva: 494–495.]
- Стилистический энциклопедический словарь русского языка*. Москва: Флинта, Наука. 2006. [*Stilističeskij enciklopedičeskij slovar’ russkogo jazyka*. Moskva: Flinta, Nauka. 2006.]
- СТРЕЛЬНИКОВА, И. П. 1976. „Риторическая теория и практика. Цицерон”. *Ораторское искусство в Древнем Риме*. Ур. Т. И. Кузнецова, И. П. Стрельникова. Москва: Наука: 92–135. [STREL’NIKOVA, I. P. 1976. „Ritoričeskaja teorija i praktika. Ciceron”. *Oratorskoe iskusstvo v Drevnem Rime*. Ур. Т. I. Kuznetsova, I. P. Strel’nikova. Moskva: Nauka: 92–135.]
- ТОШОВИЧ, Б. 2015. *Интернет-стилистика*. Москва: Флинта, Наука. [TOŠOVIĆ, B. 2015. *Internet-stilistika*. Moskva: Flinta, Nauka.]
- ХАЗАГЕРОВ, Г. 2023. „От символа к симулякру: к истории советской пропаганды”. *Вестник Хакасского государственного университета*, № 3: 61–65. [HAZAGEROV, G. 2023. „Ot simvola k simuljakru: k istorii sovetskoj propagandy”. *Vestnik Hakasskogo gosudarstvennogo universiteta*, № 3: 61–65.]
- ХАЗАГЕРОВ, Т. Г., Л. С. ШИРИНА. 1999. *Общая риторика*. Ростов-на-Дону. [HAZAGEROV, T. G., L. S. ŠIRINA. 1999. *Obščaja ritorika*. Rostov-na-Donu.]
- ЦИЦЕРОН. 1994. *Три трактата об ораторском искусстве*. Москва: Ладомир. [CICERON. 1994. *Tri traktata ob oratorskom iskusstve*. Moskva: Lodomir.]
- ШПЕНГЛЕР, О. 1998. *Закат Европы*. Ростов-на-Дону: 36. [ŠPENGLER, O. 1998. *Zakat Evropu*. Rostov-na-Donu.]
- ЯКОБСОН, Р. 1975. „Лингвистика и поэтика”. *Структурализм: „за” и „против”*. Москва. URL: <https://philologos.narod.ru/classics/jakobson-lp.htm> [JAKOBSON, R. 1975. „Lingvistika i poetika”. *Strukturalizm: „za” i „protiv”*. Moskva. URL: <https://philologos.narod.ru/classics/jakobson-lp.htm>]
- BEAL, Joan C. (2018). “‘Back to the Future’: The ‘New Prescriptivism’ in Twenty-First-Century Britain”. *E-rea* 15 (2). Accessed 7 February 2020. URL: <https://journals.openedition.org/erea/6090>

- CRYSTAL, David. 1997. *The Cambridge Encyclopedia of the English Language*.
- KLEMPERER, V. 1947. *Lingua Tertii Imperii Notizbucheines Philologen*. Berlin.
- PERELMAN, Ch. and L. OLBRECHTS-TYTECA. "The New Rhetoric: A Treatise on Argumentation". URL: <https://matveychev-oleg.livejournal.com/12724835.html>
- Quintilian's institutes of oratory or education of an orator. L. 1909.
- Rhetorica ad C. Herennium liber primo //M. Tullii Cicironis opera. Paris. 1798.
- Toward a Theory of Creative Stylistics by Vosilifuni Saito MA. URL: <https://eprints.nottingham.ac.uk/12549/1/363611.pdf>

THREE-DIMENSIONAL SPACE OF STYLE

G. G. HAZAGEROV

ABSTRACT

The article makes an attempt at a unified conceptualization of stylistic theories. Therefore, a three-dimensional space of style should be considered. One axis of this space describes rhetorical theories of style, the other refers to holistic theories, and the third relates to normative theories. First, rhetorical theories are distinguished by their instrumental nature and connection with the speaker's intention. In this regard, theories of three styles are considered. The actual rhetorical understanding is found in the "Rhetoric to Herennium", the treatises of Cicero and Quintilian. Among modern theories, media stylistics and creative stylistics are of a similar kind. Second, holistic theories of style do not approach the phenomenon of style from a normative or instrumental point of view and leave wide scope for hermeneutical thought. It is noted that among modern stylists the most consistent advocate of holism is academician Stanislav Gajda. Similarly, the theory of epochal styles by academician D.S. Likhachev can be considered. Third, normative theories of style have a long history, the culmination of which is the theory of norms developed by the Prague Linguistic Circle. This theory is reflected in modern functional stylistics. However, the article provides criticism of Soviet functional stylistics. Finally, it is concluded that style is either a tool (rhetoric), or a mediator of identity (holistic theories), or a mediator of relevance (functional stylistics).

KEYWORDS:

rhetoric, style, stylistics